

Отзыв Черниковой Ларисы Петровны,
канд. ист. наук, доцента, старшего научного сотрудника отдела Китая
ФГБУН Институт Востоковедения РАН,
Россия, 107031 г. Москва, ул. Рождественка, 12, от 16 января 2019 г.

на автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук **Смирнова Сергея Викторовича** «РУССКАЯ ВОЕННАЯ ЭМИГРАЦИЯ В КИТАЕ(1920 – КОНЕЦ 1940-х гг.)», Специальность 07.00.02 – Отечественная история, Екатеринбург – 2019, выполненном на кафедре новой и новейшей истории ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».

В автореферате С.В. Смирнова хорошо структурирована исследовательская новизна подхода соискателя, стройно изложены Основные положения, выносимые на защиту:

организационные формы русской военной эмиграции в Китае, особенности социальной адаптации русских военных наряду с активной антисоветской направленностью носителей данной идеологии, разнохарактерность степени участия военных эмигрантов в продолжение борьбы против советской власти, их в целом положительная роль в развитии образования, спорта, издательской деятельности, а также в экономической и культурной жизни «русского» Китая; процесс консолидации, характерный для русской военной эмиграции в Китае на протяжении 1920–1930-х гг., шедший на разных организационных уровнях (общекорпоративной и узкокорпоративной); с приходом японцев в Маньчжурию военная эмиграция была формализована в полупринудительном порядке и на принципах, противоречащих самим базовым понятиям русской военной этики, что привело в дальнейшем к деградации военного сообщества как авангарда антибольшевистского движения; упадок и исчезновение русской военной эмиграции в Китае были связаны, прежде всего, с внешними обстоятельствами (японским господством, советско-японской войной, победой китайских коммунистов в 1949 г.), но были и внутренние процессы, хорошо проанализированные соискателем научной степени. В этом смысле С.В. Смирнов обращает внимание на личностный фактор внутри корпорации, как и кем принималось то или иное решение в конкретно-исторических условиях индивидуальной жизненной практики.

Выражаем согласие с С.В. Смирновым, что исследование русской военной эмиграции в Китае как составной части Русской Армии в изгнании открывает возможности для целостного описания этого феномена в рамках Русского Зарубежья 1920-1940-х гг., способствует изучению современных миграционных процессов и особенностей социальной адаптации русских диаспор к новой среде проживания. Апробация основных положений исследования осуществлялась на международных, всероссийских и региональных научных конференциях и в многочисленных публикациях автора (более 60 статей по теме), 17 ваковских публикаций, 3 авторских

монографии, большой интерес и заслуженное уважение к С.В. Смирнову со стороны коллег. Соискатель степени, на наш взгляд, достаточно полно рассмотрел источниковую базу выбранной темы. Также рассмотрен обширный аспект историографии белогвардейской эмиграции, в том числе иностранной.

Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы. Изложение материала построено на сочетании проблемного и хронологического принципов, позволяющем наиболее полно представить содержание изучаемого предмета. Хорошо проработано Введение работы, где обосновывается актуальность избранной темы, формулируются объект и предмет, цель и задачи исследования, обозначаются хронологические и территориальные границы, характеризуется степень научной разработанности и отмечается новизна исследуемой темы, описывается методология и источниковая база исследования, формулируются основные положения, выносимые на защиту, подтверждается достоверность и обоснованность выводов, указываются теоретическая и практическая значимость работы.

В первой главе «Становление русской военной эмиграции в Китае (первая половина 1920-х гг.)» характеризует процесс эвакуации отдельных войсковых соединений и групп белого Восточного фронта в различные районы Китая, формирования основных центров русской военной эмиграции в этой стране, анализируется количественный и качественный состав военной эмиграции и особенности начальной фазы социальной адаптации военных эмигрантов. Социальная адаптация и организационная активность военных эмигрантов способствовали формированию сообщества русских военных эмигрантов, территориальные особенности их существования (в Маньчжурии, провинции Синьцзян, городах Северного Китая и Шанхае), и обозначению контуров основных проблем приспособления бывших военных к новой среде проживания. Соискатель справедливо отмечает, что выбор человеком стратегии, ориентированной на адаптацию или неадаптацию, был обусловлен не только внешними обстоятельствами, но и внутренними характеристиками, в частности, социально-психологическим состоянием и отношением к советской власти, на основе которых мы с известной долей условности выделили пять типов военных эмигрантов: «люди войны», активные антибольшевики, пассивные антибольшевики, «перерожденцы» и «шкурники».

Процесс первичной адаптации значительной части бывших военных был не обязательно успешным: отсутствие устойчивого правового статуса, постоянной работы /службы/ и жилья сказывались на психическом состоянии, препятствовали созданию семьи, влекли к девиантному поведению человека. Наиболее пригодны для социальной адаптации эмигрантов были условия бывшей полосы отчуждения КВЖД с ее русской экономической и социально-культурной инфраструктурой. Однако этот процесс затруднялся постоянным возвращением к недавнему прошлому, обидой за потерю

социального статуса и родины, близостью проживания к России и иллюзией возможности реванша.

Вторая глава «Консолидация военной эмиграции (середина– конец 1920-х гг.)» рассматривает первые попытки объединения русских военных организаций в Китае, сохранение боевого потенциала военной эмиграции и распространение ее влияния на русскую молодежь, предпринимавшиеся при активном участии европейских военно-политических центров. Соискатель рисует картину сложных и противоречивых отношений военных группировок как внутри, так и между собой. Автор справедливо подмечает усиливающуюся политику советского влияния на эмигрантскую молодежь в Китае, особенно в Маньчжурии, что спровоцировало пристальный интерес к ней со стороны русского офицерства (создавших Орден крестоносцев, организацию Русский Сокол). Главными центрами организационной активности эмигрантской молодежи были Харбин, позднее Шанхай и Тяньцзинь. Автор обращает внимание на противоборство движений «николаевцев», легитимистов, на создание фашистского движения, деятельность которой оставалась автономной, а в руководстве РФО существовала оппозиция, негативно настроенная к ним.

В третьей главе «Русская военная эмиграция в условиях нового подъема антибольшевистской борьбы и начала японской экспансии в Китае (конец 1920-х – середина 1930-х гг.)» анализируется этап завершения консолидации русской военной эмиграции, происходивший на рубеже 1920-30-х гг. на фоне очередного обострения советско-китайских и международных отношений на Дальнем Востоке и отмеченный новым подъемом антибольшевистской борьбы, а также последовавший спад антисоветской активности эмиграции и нарастание внутренних противоречий в условиях начавшейся японской военной экспансии в Китае.

Соискатель, в частности, рассматривает русскую военную эмиграцию в период японской оккупации и формирования «независимого» государства Маньчжоу-Го (1932–1935), во время которого происходило существенное ухудшение условий жизни и деятельности эмиграции в Северо-Восточном Китае. С 1932 г. русские военные стали активно привлекаться в создававшиеся в восточной части Маньчжурии охранные отряды, а также в структуры пограничной охраны, расширились контакты военной эмиграции с японскими спецслужбами. Рост значимости бывших военных привел к усилению их роли в руководящих структурах и жизни эмиграции. Главную пользу из этого извлекли японцы, постепенно лишавшие русские военные организации даже видимости самостоятельности (создание БРЭМ, привлечение их в военные отряды и т.д.).

Соискатель рассматривает также русских военных эмигрантов в Синьцзяне и их участие в подавлении мусульманских восстаний рассматривается период наивысшей активности русской военной эмиграции в Синьцзяне, связанный с важной ролью, которую русские сыграли в подавлении мусульманского повстанческого движения и сохранении администрации края в руках китайских властей; в конечном итоге это

привело к тому, что к началу 1940-х гг. русская военная эмиграция в Синьцзяне практически прекратила свое существование.

Четвертая глава «Русская военная эмиграция в период японского господства в Китае и после окончания Второй мировой войны» анализируются особенности жизни и деятельности военной эмиграции в условиях военно-политического доминирования Японии в Китае и строительства Восточноазиатской сферы совместного процветания, трансформации, произошедшие с военным сообществом в годы Второй мировой войны, и исчезновение военной эмиграции во второй половине 1940-х гг. На протяжении 1935–1938 гг. в Маньчжоу-Го завершился полупринудительный процесс консолидации военной эмиграции. С 1938 г. под полный контроль ЯВМ была поставлена подготовка разведывательных и пропагандистских кадров из эмигрантов на случай войны с СССР, а также появилось первое армейское подразделение из русских – отряд Асано.

Соискатель справедливо отмечает, что своего пика «милитаризация» эмигрантской колонии достигла в начале 1940-х гг. в условиях развернувшихся советско-германской и Великой Восточноазиатской войн. Организация воинских подразделений в Маньчжоу-го из русских эмигрантов и распространение на русских воинской повинности привело к появлению нового слоя русской военной эмиграции, слоя немногочисленного и лишь поверхностно впитавшего идеологию паназиатизма, поэтому не ставшего надежной опорой «многонационального» государства Маньчжоу-го.

Война Советского Союза против Германии привела к расколу эмигрантской колонии на «пораженцев» и «оборонцев». Если в 1941–1942 гг. доминировали «пораженцы», то в дальнейшем на первый план на фоне растущего в эмигрантской среде патриотизма вышли «оборонцы». В связи с переломом в войне в 1943 г. и отказом Японии от ярко выраженной антикоммунистической риторики, позиции «пораженцев» ослабли, военные организации стали терять свое ведущее положение в жизни эмигрантских колоний и превращаться в ветеранские объединения, утрачивая влияние на молодежь, что происходило на фоне стремительного роста патриотизма в эмигрантской среде, достигнув своего пика в 1945 г. Рост патриотических настроений был не только следствием войны, но и неприятия основной массой эмигрантов японской политики унификации в Маньчжоу-го, нередко выливавшейся в откровенную японизацию.

Деградация и исчезновение русской военной эмиграции в Китае стали возможны ввиду старения кадров, сокращения численности (и профессиональной значимости) военно-эмигрантского сообщества, тогда как формальное лидерство военных организаций в жизни эмиграции при ведущем значении японских военно-административных структур было утрачено, что привело к идейному расколу в годы войны. Из более чем 10 тыс. арестованных и вывезенных на территорию СССР эмигрантов более половины составляли те, кто имел какое-либо отношение к военной службе и членство в военных организациях и их дочерних структурах.

Достаточно подробно и убедительно проработано *Заключение* автореферата. Тысячи русских военнослужащих, оказавшись волей судеб в Китае, составили здесь уникальное сообщество – военную эмиграцию, которая, несмотря на свою внутреннюю неоднородность и противоречивость, а также территориальную рассредоточенность, обладала набором характеристик, организационной структурой и способностью к самосохранению и самоорганизации. Основные положения, выносимые во введении и основных главах – нашли в *Заключении* достаточное разрешение. Выводы по главам и в *заключении* убедительны, изложение материала и предоставленные факты исторического бытия проведены с хорошим вкусом, логичны и последовательны.

Важным достоинством работы считаю использование материалов советской разведки, которая смогла укорениться в эмигрантской, в том числе и военной среде, и действовала более эффективно. Хорошо показан фактор японского влияния, добившегося доминирования в Маньчжурии, причем русская военная эмиграция «использовалась для решения собственных национальных задач, тем самым стимулируя дальнейшую военно-политическую деградацию военной эмиграции». Совершенно справедливо отмечено, что «утрата военной эмиграцией самостоятельной роли в борьбе с Советским Союзом и вынужденное сотрудничество с японскими спецслужбами ослабили антисоветский потенциал и способствовали росту патриотических настроений, особенно в годы советско-германской войны».

Также верно отражено, что «японские спецслужбы, не доверявшие бывшим военнослужащим Белой армии, сделали ставку на молодое поколение русских военных, воспитывавшихся в духе верности принципам «ван дао» и идее «общего дома» народов Маньчжоу-го. Русская военная молодежь оказалась не менее патриотична, нежели старшее поколение военных эмигрантов». Важно и то, что «военная эмиграция больше, чем любой другой слой русского эмигрантского сообщества в Китае, оказалась вовлечена во внутривнутриполитическую жизнь страны», а именно – в дела Китайской Республики. Из этого справедливо делается вывод, что «русские военные сыграли в противостоянии распространению леворадикального движения в Китае определенную роль. Однако сотрудничество русских военных с «милитаристами» и «империалистами» (особенно японскими), препятствовало интеграции русских в структуры китайского общества (не принимая во внимание футуристический проект Маньчжоу-го) и более того, превращало их во враждебный элемент».

Замечания:

- При всей обширности исследованных архивов и документохранилищ, вызывает сожаление «пропуск» соискателем таких важных документов, как «Материалы Токийского процесса» 1946-1947 гг., хранящиеся в АВП РФ и выдаваемые исследователям с 2006 года; в случае их использования соискателю научной степени не пришлось бы реконструировать из всего массива имеющихся у него материалов шаги японской политики по захвату Маньчжурии и создания Маньчжоу-Го применительно к использованию

русской военной эмиграции в Китае, т.к. этот анализ и материалы были составлены советскими военными историками и правоведами еще в 1946 г. В то или иной форме эти материалы подтверждаются предъявляемыми Токийскому Суду протоколами допросов главных японских военных преступников и материалами допросов Семенова и т.н. «семеновского» движения, а также политикой использования японцами Русской фашистской партии;

- Насколько позволяет материал автореферата, вызывает сожаление недоучет соискателем такой важной составляющей статистики, как «потери гражданского и военного населения» в стране пребывания, что привело в конечном итоге к уменьшению численности русской эмиграции и военных в Китае (то есть не учтено число самоубийств, убийств и прочих трагических случаев, численность захоронений и примерного числа потерь военного контингента в Китае; способность к реэмиграции). То же самое касается и вопроса о репатриации в СССР, цифры подсчета с 1917 до 1935 года – это примерно 49 тысяч человек репрессированных согласно исследованиям историков современного Мемориала (С. Прудовский, Н.В. Петров); с 1949 по 1954 гг. – более 140 тыс. человек репатриантов вернулись в СССР из Китая согласно материалам архива АВП РФ;

- вызывает сожаление также отсутствие в числе историографии фундаментальной монографии Крюковых «1929 год: взрыв и эхо», в которой анализируется в числе прочих роль и влияние на события русской военной эмиграции в Китае (Крюков В.М., Крюков М.В. КВЖД 1929: Взрыв и эхо / Отв. ред. А.И. Кобзев; Ин-т востоковедения РАН. Серия: Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 24. - М., 2017. - 624 с.);

- имеется также множество ошибок и неточностей в предложениях на русском языке, несогласования предложений и оборотов, опечаток и т.д. Маньчжоу-го – правильно пишется как Маньчжоу-Го; Тяньцзин у автора правильно называется Тяньцзинь и т.д. мелкие недочеты.

Несмотря на изложенные замечания, мы считаем, в целом, что автореферат демонстрирует проведенную соискателем степени огромную исследовательскую работу, большой интеллектуальный потенциал С.В. Смирнова, рождение большого ученого и аналитика, способного из разношерстного и фрагментарного материала создать цельное изложение фактов, провести анализ и реконструкцию происходящих столетие назад событий.

Считаю, что автореферат диссертации по специальности 07.00.02 (Отечественная история) полностью соответствует требованиям, предъявляемым к такого рода трудам, и также соответствует отрасли наук, по которым он представлен к защите.

На наш взгляд, автореферат демонстрирует также и соответствие диссертационной работы требованиям п. 9 Положения о присуждении ученых степеней. Работа является оригинальным диссертационным исследованием и ее автор – Смирнов Сергей Викторович – заслуживает

присуждения искомой ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02. – Отечественная история.

Подпись автора отзыва :

Старший научный сотрудник отдела Китая ФГБУН

Институт востоковедения РАН, г. Москва

кандидат исторических наук

(07.00.03 – Всеобщая история)

Larisa-che@mail.ru

Черникова Лариса Петровна

+79035347835

Против включения моих персональных данных в документы, связанные с рассмотрением диссертации, не возражаю.

17 января 2019 г.

Сведения об организации:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт востоковедения Российской академии наук,

107031, г. Москва, ул. Рождественка, 12.

Канцелярия: (495) 625-64-61

Группа ученого секретаря: (495) 625-93-07

Факс: (495) 623-19-09

E-mail: info@ivran.ru

Подпись Черниковой Л.П.
УДОСТОВЕРЯЮ
/ Зав.отделом кадров
«17» января 2019 г.